

Русский уезд Московской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 г.

Одна из наименее изученных тем в общей проблематике истории Отечественной войны — это события, происходившие в отдельных местностях России. Если сравнить многие краеведческие работы, то очевиден их общий недостаток: в них отсутствуют подробные описания, посвященные многим губерниям страны, используются сведения, основанные больше на преданиях и легендах, нежели на документальных источниках. Существующее положение в отечественной историографии связано в основном с двумя причинами. Во-первых, такие боевые операции, как Бородинская битва, Малоярославецкое сражение, катастрофа на Березине, несомненно, затмили своим масштабом и значением события, происходившие в отдельных городах и уездах России. И это касается восприятия не только современников, но и их далеких потомков. Такая историческая несправедливость становится особенно очевидной, если сравнить степень изученности войны на территории Московской губернии и Москвы. Столица, с ее огромным значением для русской жизни даже в мирные годы, знаменитым Московским пожаром, настолько «приковала» внимание ученых, да и не только их, что уже не вспоминается пожар Можайска, уничтоживший весь город, забыт Дмитров, Клин, Серпухов... Да и сама тема «Московская губерния в Двенадцатом году» отодвинута на периферию исследования историков.

Второй причиной сложившейся ситуации является недостаточность и малоизученность источников. За прошедшие 180 лет погиб целый ряд губернских архивов, не говоря уже об уездных. Многие дела, относящиеся к 1812 г., даже в составе сохранившихся архивных Фондов были в силу разных причин уничтожены. Так, из всего Фонда «1-го и 2-го Комитетов для образования Московской силы», хранящемся в Центральном Государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИАМ), до наших дней дошло лишь два делаⁱ. Отсутствие многих важных источников привело к тому, что до сих пор идут споры о наиболее кардинальных вопросах, например, о численности и составе Московского ополченияⁱⁱ, причинах и виновниках Московского пожара и т.д. Наверное, далеко не случайно, что единственное крупное исследование, посвященное событиям Двенадцатого года в Московской губернии, вышло почти 80 (!) лет назадⁱⁱⁱ.

Накопленные с тех пор знания, введенные в научный оборот новые архивные источники, вышедшие статьи и книги^{iv} позволяют поставить в преддверии 850-летия Москвы вопрос о создании обобщающего труда: «Москва и Московская губерния в Отечественной войне 1812 года». Эта задача тем более актуальна, что подавляющее число исследований посвящено лишь Москве, а работ, рассматривающих историю Московской губернии и ее губернского центра, в целом за изучаемый период практически нет.

Хронологические рамки данного исследования следует определить временем между 1810 г. — началом подготовки к войне — и 1816 г., когда во исполнение «высочайшего повеления» Александра I было завершено восстановление разоренных неприятелем подмосковных селений.

Наиболее перспективным методом исследования заявленной темы, на взгляд автора, является изучение частных вопросов: первоначально — на уровне отдельных уездов или различных сторон общественной жизни губернии, таких, например, как «Можайский уезд в эпоху Двенадцатого года», «Московская епархия в 1812 г.», «Здравоохранение в Подмосковье». Подобный подход к работе вызван исключительно состояниями архивных источников и задачами детального изучения данной проблемы. В архивных Фондах губернских ведомств, к сожалению, имеются значительные пропуски материалов за годы войны. Вместе с тем некоторые из этих документов находятся в виде копий в Фондах различных уездных учреждений, куда они присылались в качестве предписаний, отношений и т.п.

С другой стороны, детальность изучения определяется тем, что многие аспекты жизни той поры нам неизвестны или не совсем ясны. Так, не являлись предметом внимания

ученых пути эвакуации мирных жителей, хотя в прошениях подмосковных помещиков об оказании помощи прямо указывалось, что причиной многочисленных потрав стало бегство жителей Смоленской губернии вместе с имуществом и скотом через московские уезды. Историкам слишком мало известно о конкретных участниках крестьянского партизанского движения, судьбе уездных городов, занятых французами, деятельности местных органов власти... Лишь после фронтальной проработки отдельных архивных Фондов появится возможность перехода к принципиально новым обобщениям по теме. В противном случае мы рискуем остаться на уровне повторения одних и тех же фактов, хорошо известных в научной литературе, а также постановки старых вопросов, не получивших до сих пор ответа^v. Положительные результаты, оразившиеся в последних по времени работах, лишний раз свидетельствуют о перспективности предлагаемого пути исследования^{vi}.

Опираясь на вышеизложенную методику, автором настоящей статьи была освещена судьба лишь помещичьих владений Рузского уезда в 1812 г. в материалах Конференции Общества изучения русской усадьбы (1995 г.). Данный материал охватывает различные стороны жизни уезда с 1810 по 1816 г. Эта тема уже привлекала внимание исследователей, и к сегодняшнему дню накопилась определенная литература^{vii}. Источниками послужили опубликованные документы и воспоминания^{viii}. Неопубликованные материалы были выявлены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и ЦГИАМ. В РГВИА хранится экономическое описание Рузского уезда на 1800 г. с указанием всех селений и числа их жителей, а также документы, связанные с ходом военных действий на территории уезда^{ix}. В ЦГИАМ отложились фонды четырех учреждений: Канцелярия Рузского уездного предводителя дворянства (ф.394), Рузский уездный суд (ф. ЮЗ), Рузский городской магистрат (ф.43), Рузское духовное правление (ф.607). Научная ценность названных Фондов далеко не равнозначна. Так, в ф.43 сохранились дела только с 1813 г., в то же время в ф.394 широко представлены материалы об ополчении, ущербе, нанесенном французами жителям уезда, о дворянских выборах и т.п.

Вместе с тем следует отметить определенные трудности в работе с источниками. В первую очередь это значительные утраты документов за прошедшие почти два столетия. В Канцелярии Рузского уездного предводителя дворянства за 1812г. было шесть дел, ныне сохранилось лишь два, за 1813 г. было 18 дел, на сегодняшний день числится одно. Погибли такие ценные для исследования дела, как «О числе наличного хлеба в магазинах за Февраль 1812 г.», о доставлении сведений о чиновниках, об уездном ополчении, о выдаче хлеба жителям в ссуду. Целый ряд дел находится в настолько ветхом состоянии, что требует реставрации и читателям для работы не выдается. Сами рукописные описи составлены еще в делопроизводстве Канцелярии и нумерация дел достаточно запутана: есть номер связки, номер дела в знаменателе считается недействительным, а учитывается лишь указанный в числителе. В документах отдельные листы имеют утраты. Чрезвычайно затруднено чтение черновиков в тех случаях, когда беловики отсутствуют: выцветшие чернила, крайне неясный почерк чиновников с множеством сокращений, масса зачеркиваний...

* * *

В начале XIX в. в состав Московской губернии входило 13 уездов, одним из которых был Рузский, располагавшийся в западной части Подмосковья, в 75 верстах от столицы. Наряду с Волоколамским, Клинским, Можайским он считался менее экономически развитым по сравнению с Коломенским и Серпуховским, стоявшими на пересечении торговых дорог. Отдаленность от губернского центра, по мнению современников, привела к тому, что здешнее «купечество не велико и торговлю имеет очень малую»^x.

Большую часть территории покрывали сосновые боры, густые ельники и березовые рощи, в которых «набегами» бывали волки, лисы, зайцы, встречались верши (белки). Из птиц наиболее распространены, согласно «Описанию города Рузы и его уезда», тетерева, дрозды, чижи^{xi}. Многочисленные лесные дачи составляли главное богатство уезда. Ежегодно в весеннее половодье по рекам в Москву гнали плоты строевого и дровяного леса. Этому промыслу в значительной степени способствовала развитая речная сеть: по южной окраине уезда протекала Москва-река, а с северо-запада на юг его пересекала р. Руза - один из крупнейших притоков р. Москвы. В центральной части вытекала из Тростянского озера р. Озерна. Местные жители стремились использовать водные ресурсы как можно шире в хозяйственных целях. В Рузском крае только на 28 реках и речках было

устроено 53 мучные мельницы с 101 поставом, 2 сукновальнями и 6 пильнями. Помимо этого действовали еще четыре ветряные мельницы^{xii}.

Природные условия не способствовали развитию земледелия: поздняя весна, ранняя осень с затяжными холодными дождями, а главное, «иловатые» почвы, песок с камнями позволяли собирать урожай «сам-3», редко — «сам-4». В основном сеяли неприхотливые к изменениям погоды зерновые — рожь, ячмень, овес, а также лен, горох, гречиху. Своего хлеба до нового урожая не хватало. Из украинских губерний по р. Оке до Коломны, а затем по Москве-реке через столицу в уезд везли немало зерна. Здесь его с «выгодой» продавали не только в Рузе, но и отправляли в соседние уезды. Для этого имелись большие возможности: в южной части уезда пролегал знаменитый Смоленский тракт — один из крупнейших в Российской империи, а через Рузу шли дороги на Звенигород, Воскресенск, Волоколамск, Можайск.

Рузский край был известен многочисленными покосами, хотя сено заготавливали «посредственное», так как из-за высоких берегов рек и узких речных долин практически отсутствовали заливные луга. По этой причине скота местные крестьяне держали не много сравнительно с другими уездами.

Большинство крестьян числилось за помещиками. Единственная попытка в уезде, предпринятая в 1811 г., перевести крепостных баронессы Черкасской в разряд «вольных хлебопашцев» не увенчалась успехом. Согласно завещанию, Черкасская отпускала на свободу жителей сельцов Изосинки и Лихачеве. Но предварительно крестьяне обязаны были выплатить на поминовение баронессы и ее «сродников» 200 р., на постройку церкви в с.Лужки — 500 р. и священнику Павлу — духовному опцу Черкасской — 50 р.^{xiii} До полного расчета крестьяне обязаны были выплачивать в церковь проценты с общей суммы и им запрещалось пользоваться строевым и дровяным лесом. Собрать такие деньги они не смогли, и в августе 1811 г. уездный судья М.Н. Попов вынужден был рапортовать уездному предводителю дворянства Н.П. Толстому, что крестьянами денег не внесено. Еще несколько месяцев шла переписка между рузскими властями и Москвой по поводу отсутствия то одних, то других документов. Начавшиеся боевые действия окончательно перечеркнули затянувшуюся волокиту, дело положили «под сукно», и оно закончилось ничем.

Основная масса крепостных крестьян находилась на оброке, барщина в уезде встречалась крайне редко. В зимнее время, после окончания сельских работ, мужчины по паспортам уходили в различные города на заработки. Женщины пряли лен, шерсть, пеньку, ткали холсты и домашней работы сукна. Характеризуя материальное положение, московский губернский землемер Жилин в «Описании» Рузского уезда практически о каждом селении писал: «Зажитком крестьяне посредственного».

Средний населенный пункт в уезде насчитывал около 35 крестьянских дворов, в каждом из которых проживало от семи до девяти человек, но, как правило, восемь. Женщин было несколько больше, чем мужчин.

Мещане, составлявшие основное население г. Рузы, также в большинстве занимались земледелием; часть уходила на работы в Москву, а часть «имела промыслы» в уезде. К последним относилась ломка и обжиг знаменитого подмосковного известняка по берегам Рузы. Ценились в Московской губернии рузские рукавишники, сапожники, портные. Всего на конец 1811 г. числилось по городу 544 мещанина, которые с своих промыслов платили в казну ежегодный налог в 2720 р.

Купечество было малочисленным и полностью принадлежало к 3-й гильдии. Лиц купеческого сословия насчитывалось 102 человека мужского пола, считая от младенца до глубоких стариков^{xiv}. Их капиталы оценивались в 168004 р., из которых они выплачивали 2520 р.06 к. налога. Принимая во внимание, что переписи подлежали лишь мужчины, а женщины не вносились в списки, примерную численность горожан можно определить в 1292 чел. Город имел свое самоуправление: староста (Ф.А. Басманников), городской голова (С.И. Мякотин) и бургомистр (С. Паршин).

Дворянство было представлено, главным образом, владельцами одной - двух деревень. К богатейшим фамилиям принадлежали лишь несколько семейств: князя Хованские, Долгоруковы, графы Ефимовские. Последние дворянские выборы перед войной проходили в январе 1810 г. На очередной трехлетний период переизбирались предводитель дворянства, уездный и земский судьи. Всего по уезду числилось отставных классных чиновников 41 дворянин. Из них только 19 выразили желание служить в дворянском самоуправлении. Выборы проходили в Москве, одновременно с выборами в губернские органы. От Рузского уезда в них

участвовало 20 выборщиков. Борьба за должности была достаточно упорной. Например, на должность уездного предводителя дворянства претендовало пять человек. Большинством в 14 голосов был избран отставной бригадир, граф П.Н.Толстой^{xv}. Земским судьей стал Д.А.Смирнов, а уездным — М.Н.Попов.

Накануне войны жизнь в уезде шла своим обычным размеренным порядком. Тем не менее иногда были события, приковывавшие всеобщее внимание. К числу таковых, несомненно, можно отнести очередную перепись населения. Уездные власти к 1 октября 1811 г. должны были представить в губернское правление «перечневые ведомости» жителей. И хотя специально созданная под руководством Н.П.Толстого Ревизская комиссия начала работать 19 июня, уложиться в срок не успели. Более того, 15 октября губернские власти, так ничего и не получив из Рузы, прислали нарочного с требованием немедленно направить статистические сведения в столицу и дать подробные объяснения о причинах столь долгой медлительности. Неудачная деятельность уездного предводителя дворянства постоянно вызывала недовольство губернского начальства. На протяжении всех трех лет между уездным и губернским предводителями дворянства регулярно возникали недоразумения из-за несвоевременного выполнения указов и предписаний.

Не очень успешно осенью 1811 г. прошел в Рузе сбор денег на памятник Минину и Пожарскому, возводимому в Москве. Часть дворян — кн. В.Ф. Сибирский, кн. В.А. и П.А.Хованские сделали пожертвования непосредственно в столице, «...а прочие дворяне все отозвались тем, что на сооружение помянутого монумента никакого пособия сделать не могут», — сообщал земский суд^{xvi}.

Весенние ветры принесли с собой первые грозные раскаты приближающейся войны. Как известно, в Москве, в Спасских казармах, что на Б.Спасской ул., в эти месяцы срочно формировалась 27-я пех. дивизия. В ее состав входил 49-й егерский полк, впоследствии отличившийся под Красным, Бородино, Малоярославцем. К марту комплектование дивизии закончилось и полки стали выводить на учение в Подмоскovie. В приказе по армии от 1 апреля император Александр I писал: «Командиру 27 пехотной дивизии генерал-майору Неверовскому и 49 егерского полка полковому командиру полковнику Кологривову объявляю совершенное мной благоволение за исправность, в какой выступил из Москвы 49 егерский полк в город Рузу». В полковой ведомости за март 1812г. было отмечено, что мундирами и амуническими вещами егеря обеспечены, боевых патронов — полный комплект, пороха запасено на год, ружья — в исправности. В рапорте в Военное министерство полковник Кологривов сообщал: «Онаго полка батальоны расположены квартирами Московской губернии, Рузском уезде, 1-й батальон — в Арешинской, 2-й — в Скирмановской, а 3-й — в Спасской волостях»^{xvii}. Штаб полка расположился в самой Рузе. Прибытие 37 офицеров в небольшой уездный город сразу оживило местную жизнь: новые люди, балы, полковой оркестр в 49 музыкантов... Солдатская же служба была, несомненно, крайне трудна даже в мирное время: за два месяца, что полк пробыл на квартирах в уезде, застрелились унтер-офицер и рядовой, 84 человека умерло, 26 — бежало.

В конце апреля 1812 г. на стол Александра I из Военного министерства легло донесение: «Государю императору. 27-я пехотная дивизия уже готова к выступлению, а потому не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть оной дивизии следовать из Москвы в Бобруйск или Мозырь»^{xviii}. В первых числах мая 1-й и 3-й батальоны двинулись на Оршу и Борисов, а 2-й батальон на защиту Бобруйской крепости. На Россию надвигалась война.

С началом боевых действий жизнь в уезде еще некоторое время шла обычным порядком, но постепенно война вытеснила все другие события. 29 июля 1812 г. в Рузу съехалось оставшееся еще в уезде местное дворянство — к этому времени их оказалось всего 18 человек — для решения вопросов о формировании Московской военной силы. Провиантмейстером рузского ополчения был избран тайный советник Г.Г. Бакеев, который уже 1 августа написал рапорт об отставке, ссылаясь на преклонный возраст (51 год), болезни, бедное состояние. Через несколько дней на его место назначили И.Г. Кардовского. Для принятия оружия выбрали статского советника А.И. Слоновского. Сбор людей и продовольствия начался 9 августа, когда от коллежского советника П.И. Бражникова прибыл первый ополченец с обязательным трехмесячным продовольствием: 5 пудов 25 фунтов муки и 4,5 гарн. крупы. Крупнейшие помещики представляли в ополчение больше людей. Так, гр. А.П. Ефимовский отправил в Рузу 16 человек, 90 пудов муки и свыше 1 четв. крупы, княжны Авдотья, Александра и Наталья Сибирские — 17 человек, а с ними 95 пудов 25 фунтов муки. Всего по уезду было собрано 1171 человек, 6586 пудов 35 фунтов муки, 82 четв., 2 чет., 5,5 гарн. крупы^{xix}. Часть муки перелекли на сухари. Собранное продовольствие сразу же стали расходовать на ополченцев и проходящие через город воинские части. К 28 августа, когда Руза была занята французами, израсходовали 2817 пудов 34,5 фунтов муки, 48 четв., 5 четв. 5,5 гарн. крупы, 1748 пудов 30,5 фунтов сухарей. Оставшиеся 1410 пуд. 1 фунт, сухарей и около 34 четв. крупы были захвачены неприятелем.

Из литературы известно, что в Рузе формировалась ополченческая дивизия, но документы местных властей не подтверждают этого. Согласно «Книги... для записки расхода приносимого в пожертвование трехмесячного провианта...» первая выдача муки состоялась 10 августа на девять человек под командованием батальонного командира 1-го егерского полка майора Демидова. Причем выдавалась мука за 8-е - 16-е число,

за 9-е - 16-е августа — еще на 26 человек, за 10-е - 16-е добавились 82 человека. 11 августа прибыло к Демидову 25 отставных, солдат. Всего к 15 августа в батальоне насчитывалось 750 человек. С 14 августа стали также выдавать продовольствие на ополченцев другого батальона того же полка — майора Роста. Этот батальон к 15 числу также насчитывал 750 человек^{xx}. Оба батальона входили в состав 1-го егерского полка, который формировался с 7 августа в Москве на средства Н. Демидова. Именно о них Демидов писал в рапорте Кутузову: «Набрав семь рот с нужным числом урядников, по приказам отправился форсированным маршем в Рузу 14-го того же месяца для соединения там с девятью ротами, — кои формировались от меня отряженными двумя штаб-офицерами»^{xxi}. До конца августа в Рузе находилась команда Московского гарнизонного полка. 18-го числа в город прибыл 4-й пех. казачий полк генерал-майора Абрекова, который выступил к Можайску 23 августа.

21 августа в Рузу прибыли 2 егерских ополченских полка, а 22-го подошло еще два. По приказу Кутузова генерал-майору В. Н. Чичерину все четыре полка немедленно были отправлены к армии^{xxii}.

Последние части ушли из Рузы 26 числа. В городе оставалось лишь 59 больных ополченцев в лазарете и 110 воинов Московской военной силы, собранных 24-го и 26-го августа в уезде.

28 августа от Можайска на Рузу двинулись полки 4-го итальянского 3-го кав. корпусов. Первое крупное село Введенское (ныне Клементьево) на территории Рузского уезда подверглось полному разгрому. Участник и очевидец событий Ц. Ложье писал, в частности, о помещичьем доме гр. Ефимовского: «Моментально без всякой пользы было все перевернуто вверх дном»^{xxiii}. По словам бурмистра М. Иванова, в селе было сожжено неприятелем 54 крестьянских двора^{xxiv}. Первым о появлении французов в уезде узнал старший унтер-офицер Рузской инвалидной команды Г. Ф. Сафонов. Он по приказу Н. П. Толстого в эти дни командовал оставшимися 110 ополченцами. Благодаря его известию «...многие жители успели не только выехать из города, но даже спасти имущество свое от расхищения неприятелями...»^{xxv}. Но тем не менее кавалерия корпуса в ближайшем к Рузе селе Богородское (ныне Брыньково) настигла «...массу жителей соседних деревень...». Вооруженные пиками крестьяне попытались защищать свое имущество, уже погруженное на телеги, но были рассеяны, а их оружие было неприятельскими солдатами переломано. В самой Рузе несколько человек оказали сопротивление французам, но столь же безуспешно, один из жителей был убит. Подошедшие французские власти начали массовые грабежи частных домов и казенных складов с продовольствием. В это же время кавалерия авангарда бросилась по Волоколамской дороге вслед за спешно уезжающими и бегущими жителями. Значительная часть ружан была перехвачена в нескольких верстах от города — у переправы через р. Озерну — и возвращена в Рузу. Наступившая ночь прекратила грабежи.

В тот же день поздно вечером к Рузе вышел отдельный отряд Ф. Ф. Винценгероде. Как известно, от Смоленска он отступал на восток, прикрывая северный фланг русской армии. Во время Бородинской битвы отряд располагался в д. Сорочнево Рузского уезда, отсюда он двинулся на Рузу. Как вспоминал А. Х. Бенкендорф, в ночь с 28 на 29 августа отряд попытался ворваться в город, но, узнав о превосходстве неприятельских сил, ограничился лишь демонстрацией. «Между тем неприятель был приведен в недоумение атакой, произведенной нами накануне с тылу на его лагерь, а ночь скрыла от него наше движение и численность наших сил», — отмечал Бенкендорф^{xxvi}. Весь следующий день итальянский корпус оставался в Рузе и лишь 30 августа двинулся на Звенигород. Почтовая дорога проходила через деревни Заболотье, Воронцово, Туманове, Вялкино, Панове, Кривошейно, Апальщину, Локотню и далее по Звенигородскому уезду. Сам Винценгероде с драгунским полком отступил к Звенигороду, чтобы здесь приготовиться к обороне. Непосредственно перед неприятелем отходил арьергард, состоящий из казаков под командованием Иловайского, чуть левее дороги двигались три казачьих полка Бенкендорфа. Все деревни, через которые проходили части, были брошены жителями, а сами они скрывались в лесах. Уже упомянутый очевидец событий Ц. Ложье описывал одну из придорожных деревень Апальщину: «...Кажется, еще нигде мы не видели

таких результатов слепой ярости при уничтожении всего. Дома не только пусты, но вся обстановка разломана. Посевы уничтожены: все подверглось систематической порче»^{xxvii}.

Постепенно по уезду начало разливаться стихийное крестьянское движение. Одним из центров явилось с. Комлево, жители которого специально ходили на Бородинское поле собирать разбросанное оружие, боеприпасы и амуницию. Вскоре в уезд прибыли армейские партизанские отряды. 10 сентября Винценгероде доносил Кутузову, что «майор Прендель послан мною с отрядом близ 200 ч. состоящего, к г. Рузе, с предписанием моим беспокоить сколь возможно будет неприятельскую коммуникацию, находящуюся около г. Можайска»^{xxviii}.

Через несколько дней в уезд после освобождения Волоколамска приходит отряд А.К. Бенкендорфа, состоящий из двух казачьих полков. Базой была выбрана дер. Сорочнево, откуда четыре партизанские партии, на которые были разделены полки, двинулись по разным направлениям. «Множество крестьян последовало за этими маленькими отрядами, которые на следующий вечер благополучно соединились и привели более 800 пленных, много повозок, лошадей и скота»^{xxix}. Ожесточение с обеих сторон дошло до крайних пределов. Вся северо-западная часть уезда была выжжена неприятелем — это деревни Васюково, Вяземское, с. Введенское. Не случайно французский офицер Лабом отмечал: «Мы всюду нагоняли ужас, и многие бежавшие в последнем порыве отчаяния сжигали свои дома, усадьбы, хлеба и новый урожай и только что снятый с лугов сенокос»^{xxx}. В ответ французы получили всеобщую беспощадную войну. Человек европейской культуры, Бенкендорф писал о французах: «Было до крайности трудно спасти жизнь последних — страшила жестокость крестьян, они являлись толпами и отдавались под покровительство какого-нибудь казака. Часто бывало невозможно избавить их от ярости крестьян, побуждаемых к мщению обращением в пепел их хижин и осквернением их церквей». Впоследствии отряд Бенкендорфа отошел к Волоколамску, остановившись у д. Порохово. В Рузском уезде активно стал действовать отряд В.А. Пренделя^{xxxi}.

Одной из самых ярких фигур партизанского движения в уезде был дьячок церкви Тихвинской Божьей Матери с. Роковское В.Г. Рагозин. Прекрасно зная Волоколамский и Рузский уезды, он отправлялся в разведку, подчас рискуя жизнью. Однажды, поздней осенью возвращаясь из занятой Рузы, он вынужден был переплыть р. Озерну под огнем неприятельских стрелков^{xxxii}. Познакомившись с описаниями подвигов Рагозина, Управляющий Военным министерством А.И. Горчаков собственноручно написал: «За подобные подвиги награждаются знаком Военного ордена...» Решение Александра I было более сдержанным: «Серебряную за полезное медаль»^{xxxiii}.

В октябре партизанами В.А. Пренделя Руза была освобождена. Основная масса населения оказалась разорена полностью. 29 ноября 1812 г. московский гражданский губернатор Обрезков обращался к губернскому предводителю дворянства В.Д. Арсеньеву, сообщая, что крестьяне используют помещичий хлеб. По его мнению, следовало бы «...внушить секретно помещиками или управляющими от них, чтоб держались в возвращении от крестьян взятого или более кропких мер»^{xxxiv}. Губернские власти были крайне обеспокоены «своевольством» крестьян. Уже к концу ноября были приняты меры по восстановлению в уездах земской полиции. Одновременно в свои поместья стали постепенно возвращаться владельцы. В декабре 1812 г. в уезде проживало 15 дворян, из которых шесть — местные чиновники, обязанные по своему служебному положению находиться при должности. В январе 1813 г. приехали из эвакуации еще двое помещиков.

К весне власти начали собирать сведения о потерях и имущественном состоянии населения. В феврале 1813 г. по уездам Московской губернии была разослана анкета, состоящая из 11 вопросов, которые охватывали различные стороны жизни: сколько дворов крестьян сожжено, посеян ли озимый хлеб, есть ли яровой на семена и т.д. Потери по уезду оказались огромными. 112 помещиков обратились за помощью к государству, объявив, что восстановить свое хозяйство они не в состоянии^{xxxv}.

В той или иной степени были сожжены французами 52 помещичьи деревни, а также девять — «казенного ведомства»^{xxxvi}. В мае 1813 г., чтобы обеспечить владельческих крестьян пропитанием и дать возможность провести весенний сев, власти выдали ссуду — 128059 р.60 к.^{xxxvii} Денежные суммы передавались под расписку их помещикам на следующих условиях. Владельцы должны были начать возвращение долга государству через три года. Выплаты обязаны вестись в течение последующих семи лет равными долями. Таким образом, предполагалось, что к 1823 г. Московская губерния окончательно залечит раны, нанесенные войной.

На каждого разоренного крестьянина в среднем выдавалось по 10 р. Но были исключения. Так, генерал-лейтенанту Я.Л. Грузинскому было выдано на 276 душ — 6298 р.80 к., кн. Л.А. Хованскому на 525 душ — 11970 р. и т.д. Помимо этого выдано 930 р. «мужицким крестьянам» и 89172 р. — экономическим. Конечно, это ни в какое сравнение не идет с теми потерями, которые понес уезд. В коллекции документов военного историка А.И. Михайловского-Данилевского имеется ведомость выданных

пособий «по городу Рузе с уездом», в котором приведены любопытные цифры^{xxxviii}. Сама ведомость была прислана из Московской казенной палаты в 1836 г.

	Сумма потерь имущества		Назначено в пособие	Из них выдано
	недвижимого	движимого		
помещиков	823481 р. 49 к.	648511 р. 82 к.	106950 р.	89650 р.
купцов	59121 р. 76 к.	90918 р. 55 к.	7800 р.	7800 р.
мещан	29179 р. 10 к.	1 63293 р. 38 1/2 к.	10625 р.	10625 р.
разночинцев	–	14995 р. 90 к.	–	–
казенных волостей	–	752012 р. 70 к.	–	–
Всего:	911800 р. 19 к.	1669733 р. 35 1/2 к.	125375 р.	108075 р.

Как видно, только купцы потеряли имущества на 150041 р. 31 к., в то время как до войны они объявили свой капитал в 168004 р. Всего же жители уезда потеряли имущества на огромную сумму — 2 591533 р. 54 1/2 к. Получили же пособие в 326236 р. 60 к. Помимо этого полному разорению подверглись храмы и священно - церковнослужители. Например, в с. Поречье, через которое проходил итальянский корпус, священник церкви Казанской Пресвятой Богородицы потерял: 4 коровы, 2 теленка, 11 овец, 91 улей, 4 свиньи, 9 поросят, 40 куриц, 200 пуд. сена, 18 п. ржаной муки, 2 п. пшеничной, четверть солода, 5 л. меда, 2 п. соли, четверть круп. Неприятельские солдаты отобрали овчинную шубу, душегрейку гарнитовую, душегрейку китайчатую, коровьего масла 30 фун. Всего на 2421 р. Весной 1813 г. ему выдали «на вспоможение» 160 р. Встречались села, где неприятель сжигал практически все поголовно. Так, на Смоленском тракте было уничтожено с. Крымское, где из 163 крестьянских дворов сторело 153, церковь, все три дома священников. Имущество жителей было разграблено^{xxxix}.

Восстановление разрушенного шло постепенно и заняло несколько лет. Ситуация резко изменилась в 1816 г., когда 27 марта на имя московского главнокомандующего А.П. Тормасова последовал высочайший рескрипт. Император не скрывал своего возмущения медлительностью в обустройстве Подмосковья, подчеркивая, что, хотя прошло три года, «...более 400 деревень, после разорения неприятелем причиненного, еще не обстроились...». В предписании гражданского губернатора А.А. Долгорукова, разосланного по уездам, особенно выделялась ситуация, сложившаяся на западе губернии. В частности, говорилось: «Его Императорское Величество, к прискорбию замечать изволит, что в Можайском уезде из ста пятидесяти восьми деревень ни одной по сие время не исправилось»^{xl}. Александр I потребовал, чтобы «непременно» осенью ему донесли об «успехе» восстановления губернии.

Немедленно во все разоренные в 1812 г. деревни были отправлены чиновники для детального осмотра крестьянских дворов. Обследовали избы, горницы, отдельно стоящие сараи, в специальных ведомостях отмечалось состояние не только заборов, но даже ворот. В июне-июле рузский дворянский заседатель С.И. Белаго лично объехал все селения. Предпринимались чрезвычайные меры, но восстановить к осени в Рузском уезде все дома явно не успевали. Поэтому на запросы московских властей о положении дел просто не отвечали. Наступил август, а в Москву по-прежнему из Рузы никакого ответа не поступало. Напоминания московского предводителя дворянства ни к чему не приводили. Наконец уже сам гражданский губернатор 6 ноября обратился к гр. Н.П. Толстому, потребовав ясного ответа: все ли деревни обстроены, и предупредил, что если нет, то «это останется...на собственной Вашей ответственности». Снова был прислан в Рузу нарочный. Лишь 20 ноября 1816 г. рузский предводитель смог отрапортовать: «...Сожженные во время нашествия неприятельских французских войск по рузскому уезду

крестьянские дома все приведены выстройкой их в надлежащее состояние, да и сами крестьяне нужным скотом и хлебом обзавелись, кроме двух домов помещицы коллежской регистраторши Натальи Белаго, сожженные в селе Дьякове»^{xli}. Так завершилось восстановление Рузского уезда.

Примечания

ⁱ ЦГИАМ. Ф.328.

ⁱⁱ *Алешкт П.Я., Головников В.К.* Московское народное ополчение//Вопр. истории. 1962, № 9, с.34—39; *Володин П.М.* О роли и численности псковского народного ополчения//Историч. зап. Т. 72. М., 1962, с.246-258.

ⁱⁱⁱ *Савелов Л.М.* Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.

^{iv} История Отечественной войны 1812 года: Указ. сов. лит. (1918-1990). М., 1993.

^v *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917-1987. М., 1990.

^{vi} *Шведов С.В.* Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 г.//Сов. архивы. 1985, № 5, с.66-68; Он же. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г.//Сов. архивы. 1987, № 6.

^{vii} *Артамонов М., Моченов К.* Рузский край. М., 1978.

^{viii} *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 1882; Жизнь архимандрита Никодима Казанцева//Богословский вест. 1910, № 1; *Виноградов Н.П.* Состояние церквей, приходов и приходов города Рузы и Рузского уезда Московской губернии после нашествия неприятеля //Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1911, № 2, с. 130— 135; Там же, № 3, с.202-205; Там же, №9, с.616-619.

^{ix} РГВИА. Ф.ВУА, оп.1, д.18861.

^x *Чернов С.Н.* Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М., 1812.

^{xi} РГВИА. Ф.ВУА, оп.1, д.18861. Ч.6, с.47

^{xii} *Чернов С.Я.* Указ. соч., с. 21-22.

^{xiii} ЦГИАМ. Ф.394, оп.71, д.34.

^{xiv} Там же. Д.36, л.20.

^{xv} Там же. Д.33, лл.20-21.

^{xvi} Там же. Д.37, л.6.

^{xvii} РГВИА. Ф.489, оп. 1 д. 1870, л.27.

^{xviii} Там же. Ф.ВУА, оп.1, д.3499, л.12.

^{xix} ЦГИАМ. Ф.391, оп.1, д.620, л. 4 об. Любопытно, что уже в 1817г. рузские влас ти практически ничего не знали о сборе ополчения. В рапорте уездного суда было написано следующее: «...По учиненной выправке от жителей Рузского уезда никаких пожертвованию! в 1812 году на образование Московской военной силы объявлено не было» (Там же, д.85.31.4.).

^{xx} Там же. Д.621, л.2-3.

^{xxi} ЦГВИА. Ф.14414, оп.10/291. Св.68, д.13. Ч.6.

^{xxii} Труды МО ИРВИО. Т.2. М., 1912, с.Ю.

^{xxiii} *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912, с.155.

^{xxiv} ЦГИАМ. Ф.394, оп. 1, д.76, л.31.

^{xxv} РГВИА. Ф.29, оп.154. Св.124 д.81, л. 3об.

^{xxvi} *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 11. Вильна, 1912, с.91.

^{xxvii} *Ложье Ц.* Указ. соч., с. 158.

^{xxviii} Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т.18, с.45.

^{xxix} *Харкевич В.* Указ. соч., с. 107.

^{xxx} Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М., 1912, с.169.

^{xxxi} *Мальшикин С.А.* Виктор Антонович Прендель в Отечественной войне 1812 года//Тезисы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992, с.66-70.

^{xxxii} *Артамонов М., Моченов К.* Рузский край. М., 1978, с.27.

^{xxxiii} РГВИА. Ф.29, оп. 154. Св. 138, д. 113. л.2.

^{xxxiv} ЦГИАМ. Ф.4, оп.3, д.812, л.2 об.

^{xxxv} Там же. Ф.394, оп.1, д.43.

^{xxxvi} Там же, д.7б.

^{xxxvii} Там же, д.622.

^{xxxviii} РГВИА. Ф.ВУА, оп.1, д.3465. Ч.13, л.11об. -12.

^{xxxix} *Виноградов Н.П.* Состояние церквей, причтов и приходов города Рузы и Рузского уезда Московской

губернии после нашествия неприятеля//Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1912,№
1 ,с.56-58.

^{xl} ЦГИАМ.Ф.384,оп.1,д.76,л.1 об.

^{xli} Там же, л.53.